

Евгений Лукин, Любовь Лукина

Миссионеры

*Часть сборника
Слепые поводьри (сборник)*

Слепые поводыри

Евгений Лукин

Миссионеры

«Автор»

1989

Лукин Е. Ю.

Миссионеры / Е. Ю. Лукин — «Автор», 1989 — (Слепые поводыри)

«В страхе и смятении начинаю я эту страницу, ибо корабль, встреченный нами сегодня, воистину был посланцем дьявола. Ужасный шторм отделил от эскадры нашу каравеллу и, отнеся ее далеко к югу, стих. Мы плыли по необычно спокойному бескрайнему морю, не видя нигде ни островка, ни паруса, когда марсовый прокричал вдруг, что нас преследует какой-то корабль. С прискорбием вспоминаю, что из уст капитана, человека достойного и набожного, вырвалось богохульство, – он решил, что марсовый пьян...»

© Лукин Е. Ю., 1989

© Автор, 1989

Содержание

Каравелла «Святая дева».	6
Легкий авианосец «Тахи тианга».	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Евгений Лукин, Любовь Лукина

Миссионеры

© Лукин Е. Ю.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Hell is paved with good intentions.
Samuel Johnson

Ад вымощен благими намерениями.
Сэмюэль Джонсон.

Каравелла «Святая дева».

Сорок седьмой день плавания

В страхе и смятении начинаю я эту страницу, ибо корабль, встреченный нами сегодня, воистину был посланцем дьявола.

Ужасный шторм отделил от эскадры нашу каравеллу и, отнеся ее далеко к югу, стих. Мы плыли по необычно спокойному бескрайнему морю, не видя нигде ни островка, ни паруса, когда марсовый прокричал вдруг, что нас преследует какой-то корабль.

С прискорбием вспоминаю, что из уст капитана, человека достойного и набожного, вырвалось богохульство, – он решил, что марсовый пьян.

Подойдя к борту, с недоумением озирал я пустынную водную равнину, но затем пелена спала с глаз моих, и я невольно помянул имя Господне. Не парусник – скорее, призрак парусника скользил в пушечном выстреле от нас.

Сначала я заметил лишь общие его очертания, и мне показалось на миг, что он прозрачен, что сквозь него смутно просвечивают шевелящиеся морские волны. Зрение обмануло меня – это шевелились пятнистые паруса: зеленоватые, серые, голубые. Сколь не похожи были они на белые ветрила каравелл, украшающие подобно облакам небесным синее лоно вод!

Невиданное судно не уступало по величине нашему кораблю, но борта его были низки, и обводами оно напоминало остроносые лодки не знающих Бога островитян.

В тревоге капитан приказал зарядить бомбарды правого борта, я же вознес Господу молитву о спасении, ибо что доброго могут послать мне навстречу эти неведомые воды, эти обширные владения дьявола!

И молитва моя была услышана: вскоре я понял, что не зря шевелились призрачные паруса, – не решаясь приблизиться к нам, язычники готовились к повороту.

Но как передам, что произошло дальше! Меня высмеет любой, хоть однажды ступавший на зыбкую палубу корабля.

Я видел это собственными глазами: судно, морское судно поплыло назад, не разворачиваясь! Его заостренная корма и нос как бы поменялись местами. Моряки часто грешат небылицами, но слуге Божьему лгать не пристало: двуглавое, как и подобает посланцу дьявола, оно удалялось от нас, сливаясь с породившим его океаном.

Лишь тогда различил я, что это не одно, а два судна, непостижимо и противоестественно скрепленных между собой. И мачты их не устремлялись ввысь, но, наклоненные навстречу друг другу, перекрещивались верхушками над общей палубой. В подзорную трубу мне удалось различить в невидимой отсюда паутине такелажа крохотные фигурки нагих темнокожих матросов. Дикари? Бесы? Да, но на их пятнистой палубе грозно блестел металл, и мне почудилось даже, что я вижу обращенные в нашу сторону странные многоствольные орудия.

Несмотря на протесты испуганных офицеров и глухой ропот команды, наш капитан приказал выстрелить из пушки вслед уходящему судну. Ядро пролетело едва половину расстояния между кораблями и запрыгало по воде.

Никому не дано безнаказанно искушать судьбу, и морская даль отозвалась приглушенным грохотом, подобным реву разбуженного чудовища. Из-за почти уже неразличимого корабля-призрака встал и полого протянулся к небу тонкий язык черного дыма. Протяжный воющий свист, который мы слышали затем, привел нас в трепет. Но тщетно всматривались мы в небо, ища источник звука.

Господи, спаси нас и защити! Ибо по воле Твоей и во имя Твое вторглись мы в эти пустынные воды. Уже четыре больших и восемь малых островов узрели свет истинной веры. Дай же довести до конца начатое нами дело, полное подвигов и лишений!

Так я молился, стоя на палубе и слушая затихающий вдали протяжный вой. Робость охватывает меня при мысли о том, какие еще порождения бездны явятся нам. Ибо не зря начертано на карте, развернутой в каюте капитана: «Здесь есть драконы...»

Легкий авианосец «Тахи тианга». *Шестьдесят первый год высадки. День двести пятый*

Разведчик не дотянул до катамарана каких-нибудь пятисот метров. Еще мгновение назад он летел, ковылял на небольшой высоте, оставляя за собой неровную дымную полосу, затем блеснула – как померещилась! – синяя на синем вспышка, брызнули, закувыркались черные обломки, и невидимая сила медленно разорвала ракетоплан надвое.

Взорвался спиртобак – больше там взрываться было нечему.

Запоздалый звук тупо толкнул перепонки. Что-то прошелестело над головами и с легким треском ударило в корму. Сехеи не выдержал и отвернулся. «Все, Хромой...» – бессильно подумал он, и в этот миг темные татуированные лица воинов исказились злобной радостью. Яростный вопль в сорок глоток!

Оказывается, не все еще было кончено. Из разваливающейся машины выпала черная человеческая фигурка. Летит сгруппировавшись – значит, жив. А впрочем... Жив! Фигурка раскинула руки, и над ней с неслышным отсюда хлопком раскрылось треугольное «крыло». Источник, кто же это? Анги или Хромой?

– Быстрей! – сквозь зубы приказал Сехеи.

Ити, не оборачиваясь, пронзительно выкрикнула слова команды, и стратег покосился на нее в раздражении. «Турбину запусти» – чуть было не процедил он, но вовремя сдержался. Конечно, Ити видней. Командир катамарана – она.

«Тахи тианга» («Стальная пальма»), косо раскинув пятнистые паруса, шел вполветра, глотая одну за другой гладкие – в обрывках скользкой радужной пленки – волны. Под острым штевнем малого – наветренного – корпуса шипела серая пена.

Часть хвостового оперения, подброшенная взрывом, все еще кувыркалась в воздухе. Лишь бы какой-нибудь обломок не зацепил пилота! Ему и так приходилось трудно – явно поврежденное, «крыло» заваливалось вправо, дымило и наконец вспыхнуло. В то же мгновение пилот разжал руки и камнем полетел с десятиметровой высоты в воду. Хромой! Это мог быть только Хромой.

С наветренной стороны в десятке метров от катамарана пологую волну резал высокий кривой плавник. Плохо... Белая акула-людоед. В водах, прилегающих к Сожженным островам, их видимо-невидимо. Кажется, только они и могут здесь обитать – остальная рыба плышет брюхом кверху. Вон еще один плавник, и довольно близко к Хромоу...

Ити скомандовала, опять-таки не оборачиваясь. Она вообще никогда не оборачивалась, командуя. «У Ити-Тараи третий глаз меж лопаток – спиной видит...»

Высокая светлокочая девчушка-снайпер неспешной грациозной перевалочкой перешла на палубу малого корпуса, на ходу подготовив оружие к стрельбе. Опустив раструб ракетомета на плечо, привычно оглянулась, нет ли кого сзади...

Хромой, как всегда, вел себя очень спокойно. Левой рукой он держался за обломок посадочного поплавка, в правой у него был нож. За борт полетел узловатый канат, и Хромого одним рывком выхватили из подернутой пленкой воды. В последний момент он поджал ноги, и тут же из-под днища малого корпуса вывернулась брюхом вверх белая акула. Высокая светлокочая девчушка без выстрела проводила чудовище движением ствола.

Опытная, видать, девчушка. Чуть ниже ключицы – шрам, татуировка на груди перекрыта шнурком с шестью человеческими клыками. Хотя имеется на то давнее и категорическое распоряжение Старого: никаких ожерелий, никаких зубов на веревочках...

Шевельнув четырьмя огромными плавниками, «Тахи тианга» слегка изменил положение, снова зачерпнули ветер пятнистые паруса, и боевая машина двинулась, не разворачиваясь, в обратный путь – за перевалившим зенит солнцем.

Хромой, сгорбившись, сидел на покрытой циновками палубе, и над его обожженным плечом уже колдовала Ити – покрывала жирной желтоватой мазью. При этом губы ее шевелились – будто и впрямь колдовала.

– Докладывай, – сказал Сехеи.

Братья были совершенно не похожи друг на друга. Сехеи – повыше, поуже в плечах, а кожа такая светлая, что среди молодых воинов который год упорно держался слух: дескать, быть Сехеи со временем одним из Старых. Слух – глупый, как и положено слуху: Старые не татуируются – можно, казалось бы, сообразить... Хромой – тот темный, широкий в кости, одно плечо ниже другого, но это у него не врожденное, как и хромота, – он искалечился еще при штурме Тара-Амингу. А вот выражение лица у братьев похожее – безразлично-усталое, что у того, что у другого.

– Вышли на цель со стороны Трех атоллов, – монотонно заговорил Хромой, не поднимая головы. – Сразу же были обстреляны. После второго попадания Анги доложил, что ранен, и больше не отзывался. Прошли над заливом по солнцу. Третий флот вечерних...

Сехеи слушал глуховатый невыразительный голос брата и понимал уже, что разведка, как и предполагалось, ничего не дала.

Третий флот вечерних по-прежнему заякорен у Гнилых рифов. Сорок семь боевых единиц. Из них одиннадцать – последнего поколения. Ракетопланы – на катапультах, зачехлены. Количество катамаранов охраны... Наибольшая плотность огня...

Завтра утром Сехеи повторит разведку. Он будет повторять ее изо дня в день, даже если каждый раз ему придется терять при этом пилота и гидроплан. Как сегодня.

Ожоги были смазаны, и Хромой тяжело поднялся с палубы.

– Перехватчиков они вдогонку не послали, – закончил он. – Верно, думали, что лететь нам осталось метров сто... Да я и сам так думал.

Хромой улыбнулся. Редкое зрелище – улыбающийся Хромой.

– Передай ему набор, Тарай, – устало сказал стратег.

Ровесников у братьев не было. Или почти не было. Их поколение сторело девять лет назад в этих самых водах. Тогда это была армада, теперь от нее осталось десять катамаранов... Нет, девять. После вчерашнего инцидента в проливе – уже девять.

Ити одной рукой отвязала от пояса кожаный чехольчик с набором и подала Хромому. Тот отошел в сторонку и, не обращая внимания на завистливые взгляды подростков из огневого расчета, принялся сосредоточенно вставлять иглы в гнезда маленькой квадратной дощечки.

Море меняло ритм. Все отчетливее становились короткие злые удары справа. Это били в обшивку большого – подветренного – корпуса волны, отраженные южным побережьем Тара-Амингу. Катамаран забирал все круче к ветру. Стратега обдало густой сивушной вонью с кормы, ставшей теперь носом. Понятно... Вот почему Ити не рискнула запустить турбину. Обломок ракетоплана на излете повредил спиртопровод.

– Проверь, – попросил Хромой, протягивая набор.

Сехеи взял дощечку и прочел рисунок. Все вроде правильно. Хотя...

– Опять степень риска занизил?

– Ну не завысил же, – невозмутимо отозвался Хромой.

Сехеи переставил четыре иглы и вернул набор.

– Смотри, ожог не зататуируй...

Хромой ухмыльнулся и пошел, приволакивая ногу. Волны били в подветренный борт с нарастающей силой. Сехеи не глядя мог бы сказать, что справа, в провалах между водяными хребтами, уже маячит, чернея, Тара-Амингу, а прямо по курсу в полуденное небо встает блед-

ное, еле уловимое мерцание, отраженное многочисленными лагунами Аату-2 – Детского острова утренних; сзади же, за правым плечом, распласталось плотное неподвижное облако... Там, за линией горизонта, ошетинясь фортами и ракетными точками, залег скалистый Тиуру – форпост вечерних, откуда чудом сегодня вернулся Хромой...

Палуба вокруг стратега опустела. Сехеи стоял, склонив голову, татуированное лицо его было мрачно. «О чем думает стратег – ведомо только Старым. О чем думает Старый – неведомо никому...»

– Вот это их жгли!.. – услышал он замирающий то ли от ужаса, то ли от восторга детский голос.

Опершись на станину своего гелиографа, подросток-связист заворуженно смотрел на вырастающий справа самый южный из Сожженных островов.

Тара-Амингу был страшен.

На хребте его дымила щетина стволов, оставшихся от сгоревшей когда-то пальмовой рощи. Там, кажется, шла перестрелка. Все правильно – для Сожженных перемирия нет. Со стороны пролива стлался черный тяжелый дым. У развалин старого пирса море горело. Не иначе кто-то кого-то потопил, причем совсем недавно. То ли вечерний утреннего, то ли утренний вечернего...

– Эй!.. – окликнул тихонько связист высокую светлокую девчушку. – Гляди-ка... Кто там воюет?

– Прежние, – таинственно понизив голос, отозвалась она.

– Я серьезно! – обиделся подросток.

– Не веришь? Тут, когда десант высаживали, целый флот вечерних сожгли! И наших тоже положили... Вот они теперь и воюют друг с другом...

– И долго они так будут?

– А до самого Пришествия. Пока не прозвучит Настоящее Имя Врага...

Сехеи усмехнулся и перестал слушать. Легенды, легенды... Кто их, интересно, придумывает? Такое впечатление, что они возникают сами собой. Кроме одной, разумеется. Кроме Пророчества Старых о Великом Враге. Уж его-то авторы известны хорошо. Даже слишком... «Прозвучит Настоящее Имя Врага, и не будет отныне ни утренних, ни вечерних...» Неужели Старые так до сих пор и не поняли, что никакого Великого Врага в этом мире нет! Наш Великий Враг – это мы сами...

К мерным злобным толчкам в подветренный борт прибавились частые хлесткие шлепки – значит, показался Ана-Тарау – полоса черного пепла на горизонте. Малейшее подрагивание палубы под босыми ногами было понятно стратегу. И не только это. Он почти физически ощущал приближение войны, после которой и впрямь не будет ни утренних, ни вечерних. Количество стычек в нейтральных водах возрастало с каждым днем, и каждая из них грозила обернуться этой последней войной.

Вчера, например, в проливе между Сожженными островами сошлись в поединке трехкорпусный ракетносец утренних и каноэ береговой охраны вечерних. Исковерканный до неопознаваемости ракетносец сел на рифы против западной оконечности Тара-Амингу, после чего был добит ракетным залпом с острова, причем из ущелья, где вечерних (по данным разведки) быть никак не могло, а утренние (по данным штаба) не высаживались. То есть был добит неизвестно кем. Такое случалось.

Что же касается каноэ береговой охраны, то оно, потерявшее мачту и с заклиненной турбиной, было подхвачено вырывающимся из пролива течением и, каким-то образом проскочившее минное заграждение, оказалось вдруг совсем рядом с Детским островом утренних. Осталось последнее средство, и на каноэ к нему прибегли – взорвали кормовую турбину. Бледное спиртовое пламя метнулось расширяющимся кольцом от корабля и погасло. Правый корпус остался на плаву.

Но когда уже казалось, что он неминуемо должен войти в запретные для всех воды, из-за черного хребта Тара-Амингу на большой скорости вывернулся ракетоплан вечерних. Судя по всему, вел его пилот высокого класса. Издали, не побоявшись стрелять в сторону Детского острова, он единственной ракетой сжег остатки каноэ вместе с трупами и, заложив крутой вираж, ушел с набором высоты к Ледяному Клыку.

Да-да, архипелаг висит на последнем волокне веревки, и вчера это волокно чуть было не оборвалось...

Сехеи поднял голову, и взгляд его задержался на Ити. Радостно оскалась, она стояла под скрещением тяжелых мачт – коренастая, малорослая, изукрашенная татуировкой от лодыжек до огромной пружинистой шапки мелкокурчавых волос. Как и у всех южных хеури, нос у нее будто проломлен. В разрез под нижней губой вправлен акулий зуб.

И показалось вдруг, что стратег сейчас улыбнется.

Ити. Ити, прозванная Тарай. Она сделала этот надрез и вставила в него акулий зуб десятилетней девчонкой, нарушив тем самым четыре табу своего родного и тогда еще дикого острова.

Говорят, миссионеры до сих пор с содроганием вспоминают этот акулий зуб. Хеури, которым прежде было как-то все равно, где пропадают и чем занимаются их дети, выпотрошили Птицу Войны и осадили миссию, возглавляемую не кем-нибудь, а самим Сехеи, временно отстраненным от командования флотом за излишнюю инициативность. Чудом успев переправить Ити на Аату-2, он затем подкупил вождя и поклялся перед всем племенем, что девчонка, украсившая себя подобно воину и преступившая таким образом четыре табу, была за это вчера четырежды убита.

Хеури содрогнулись. Один лишь колдун – огромный, черный – дерзнул приблизиться к Сехеи и робко попросил предъявить в доказательство отрезанную голову или хотя бы левую руку Ити. Сехеи посмотрел на колдуна как на слабоумного и язвительно спросил, что может остаться от человека, если человек был вчера четырежды убит. Колдун опешил и задумался. Не исключено, что он ломает над этим голову до сих пор...

Хорошие были времена!..

Глубокая синева за бортом сменилась светлыми зеленоватыми тонами. Черные щетинистые громады Ана-Тарау и Тара-Амингу отступили за горизонт, и теперь справа плыл Аату-2, Детский остров утренних.

Сколько бы раз ни оказывался в этих водах Сехеи, он неизменно бывал поражен: в двух милях отсюда догорали заросли, и в безлюдных бухточках кто-то терпеливо подстерегал противника, готовый в любой момент плеснуть по воде красным коптящим языком пламени, и вдруг на краю этого ада – безмятежный зеленый островок, невинный, запретный...

Над близкой цепочкой атоллов парил дельтаплан – непривычно белый. Беззащитно белый. Какой-нибудь мальчишка с острова совершал свой первый дальний (аж до самых атоллов!) полет.

Боевые машины – в серо-зеленых пятнах, у них светло-голубое брюхо, они сливаются с небом, с морем, с зеленью. Поднять в воздух белый летательный аппарат – самоубийство. Везде, но только не здесь. Со дня основания Детских островов над ними не прогремело ни выстрела, ни разу в их воды не входили военные корабли – ни свои, ни чужие...

На подростков из огневого расчета было забавно смотреть – такие они вдруг стали все неприступно гордые: снисходительно посматривали на дельтаплан, на зеленеющую цепочку атоллов, на далекую полосу пляжа, где наверняка кто-нибудь из старших ребят, собрав вокруг себя нетатуированных малышей, важно говорил, указывая на горизонт:

– А ну-ка определи!

И карапуз, подавшись к еле различимому за атоллами призраку судна, рапортовал потешным голоском:

– Поколение Ската! Легкий авианосец! Идет из нейтральных вод! Оснащен: четыре девятиствольные установки! Три ракетоплана! Две кормовые турбины экстренного хода!..

– Две?! – И мальчуган постарше тоже впивался глазами в горизонт: – Точно, две... Тогда это «Тахи тианга». – Важность его пропадала бесследно, и он добавлял, чуть не плача: – Я же их помню всех из этой группы! У них еще воспитателем была Ити-Тараи!.. К Сожженным ходили, воюют уже... А мне еще тут с вами... чуть не до Пришествия!..

Ах, как было бы славно пройти мимо Аату с обугленными мачтами, сбивая пламя с кормовых турбин, отстреливаясь из всех тридцати шести стволов отседающих машин вечерних!.. Вот ведь как бывает: шли в нейтральных водах по самым опасным местам – и хоть бы один выстрел!.. Правда, Анги сгорел в гидроплане, но то Анги, а на самом-то судне – ни царапины, турбину – и ту пробили своим же осколком! Добавишь к татуировке уныло-правильный завиток – вот и все заслуги...

Один из подростков, видимо, для поднятия боевого духа мурлыкал вполголоса «Стрелковый ракетомет»:

...вставь обойму,
услышь щелчок,
отведи затвор,
нажми курок —
убей вечернего!..

– А вечерние поют: «Убей утреннего», – явно желая поддразнить, обронил кто-то из абордажной команды.

Песенка оборвалась. Подросток уставился на говорящего, потом – испуганно – на Ити-Тараи.

– Прямая передача с базы! – звонко доложил связист.

– Прими, – буркнул Сехеи и, в последний раз взглянув на дельтаплан, перешел на палубу малого корпуса. Что-то не нравилось ему небо на севере. Похоже, приближался шторм...

Напряженно всматриваясь в слабые вспышки далекого гелиографа, связист вывязывал узлы. Сехеи, прищурясь, стал рядом.

База передавала обычным кодом. Что-то там случилось... Источник! Этого еще не хватало...

– Дай-ка, – хмурясь, сказал Сехеи и взял из рук связиста шнур. Так... Узлы лаконично сообщали, что за время отсутствия стратега его Правая рука отстранил от командования его Левую руку. О чем и докладывал – сухо, не вдаваясь в подробности и не называя причин.

Сехеи медленно скомкал и сжал шнур в кулаке.

– Передай! Приказываю: до моего возвращения...

Договорить ему не дали.

– Цель! – раздался отчаянно-веселый крик со скрещения л-образной мачты.

Сехеи вскинул голову. Воины в считанные секунды разобрались по номерам. Циновки с палубы были сорваны, и она предстала в боевой наготе – вся в лишаях от концентрированного соляного раствора. Грозно развернулись ракетные установки.

– Четверть вправо от курса! – продолжал выкрикивать наблюдатель. – Идет на нас без отклонений!..

Когда Сехеи добрался до огневой площадки, там уже стоял Хромой. На боку его чуть пониже ребер и совсем рядом с ожогом красовалась свежая, еще кровоточащая татуировка – знак отличия за сегодняшнюю разведку.

– Где? – быстро спросил Сехеи. Хромой молча показал.

Одиночный гидроплан. Догоняет со стороны Тиуру. Непонятно... Почему он один?

– Второй – к старту! – До чего все-таки пронзительный голос у Ити-Тараи! Звон в ушах после ее команд!

За спиной страшно взвыли сдавленными голосами. Правая «стрела» очертила широкий полукруг и вынесла машину за борт. Поплавки гидроплана коснулись воды, и замок разжался. Затем – гулкий всплеск, и волны вокруг аппарата волшебным образом сгладились, заблестали маслянисто...

– Третий – к старту!

Теперь полукруг очертила левая «стрела». Сзади раздался протяжный грохот. Это стартовала «двойка». Гидроплан оторвался от воды и, волоча за собой толстый черный хвост дыма, круто полез ввысь. Затем дымная полоса оборвалась, отгоревший пороховой ускоритель отделился от машины и, кувыркаясь, полетел вниз. Грохот сменился ровным свистом. Относимое течением маслянистое пятно занялось и горело теперь красным коптящим пламенем.

Следом стартовала «тройка», и оба перехватчика ушли навстречу цели.

– Ну, посмотрим-посмотрим, как он будет выкручиваться, – оживившись, заметил Хромой.

– Не нравится мне, что он один, – сказал Сехеи. – Может, ответная разведка?

Хромой всмотрелся и неопределенно повел темным, лоснящимся от мази плечом.

Цель вела себя странно. Она позволила нападающим занять выгодное для атаки положение и продолжала полет, не меняя ни скорости, ни высоты. Перехватчики зависли над ней без выстрела.

То ли глаза устали, то ли в самом деле позади чужой машины просматривалось какое-то едва уловимое мельканье... Вот оно что! За ракетопланом полоскался длинный белый вымпел. Парламентер. Лицо у Сехеи мгновенно стало сонным. Слово «парламентер» вышло из употребления девять лет назад. Точнее сказать, сам Сехеи вывел его из употребления. И вот теперь, точно забыв, который нынче год, вечерние снова цепляют белое полотнище к гидроплану... Кажется, игра становится интересной. Ладно, начнем переворачивать ракушки – посмотрим, под какой из них спрятан скатанный из водорослей шарик...

– Акуля пасть! – изумленно выдохнул Хромой. – Да ведь это «рутианги»!

Сехеи мог слышаться. Хромой мог оговориться. Наконец, его просто могло подвести зрение... Да нет же, нет! Хромой никогда не ошибается! Перехватчики вели к катамарану именно «рутианги» – засекреченную «стальную чайку» вечерних.

Девять лет назад из добровольцев в парламентеры принято было выбирать наиболее мужественных и наименее талантливых пилотов. И посылать их было принято на тихоходных устаревших гидропланах... Но отдать противнику машину последнего поколения! Да еще и накануне войны!..

– Доложи-ка еще раз, – попросил Сехеи. – Все. И как можно подробнее.

Он понимал, что смертельно обижает Хромого – доклады разведчиков такого класса не нуждаются ни в дополнениях, ни в поправках. Хромой лишь коротко взглянул на брата и тут же отвернулся, снова прищурясь на приближающуюся тройку ракетопланов.

– Вышли на цель со стороны Трех атоллов, – завел он еще монотоннее, чем раньше. Сехеи жадно вслушивался в каждое слово.

Так... так... Сразу же были обстреляны... Не то! Второе попадание, Анги... Третий флот вечерних... Гнилые рифы... Количество единиц... Источник, все не то!..

Нет, это безнадежно. Хромой – лучший разведчик флота. Если бы в обороне противника была брешь, он бы заметил... И все же Хромой пропустил что-то очень важное. Настолько важное, что вечером пришлось послать вдогонку «стальную чайку»...

Впрочем, есть еще одна версия, но она слишком хороша, чтобы принимать ее всерьез. Версия следующая: никакой это не парламентер – просто личной разведке Старого удалось

наконец угнать из-под носа вечерних засекреченный истребитель, прицепив к нему для отвода глаз белый лоскут.

Вестнику указали направление посадки, «рутианги» пошел на снижение. Красивая машина. Красивая и странная. По центру тонкой, как лезвие, несущей плоскости хищно выдается вперед горбатый клюв кабины. Два коротких фюзеляжа с высокими килиями соединены поверху еще одной плоскостью. Поплавков нет вообще. Как же он будет садиться?

Оба корпуса «рутианги» разъялись вдоль, и нижние их половины медленно отвалились, превратясь в поплавки. Неплохо...

Сехеи оглянулся, ища глазами Ити.

– Слушай, Тараи... Свяжись с базой. Пусть поднимут группу прикрытия. Перехватчиков пока поддержи в воздухе... Есть у меня ощущение, что пока мы тут будем с ним разбираться, нас попробуют достать с Тиуру...

– Машину на борт не принимать?

– Разумеется!

Могла бы и не спрашивать. Отлично ведь знает, что впервые трюк со «взрывчатым парламентаром» применил именно Сехеи. Девять лет назад он подсунил вечерним вестника в гидроплане, начиненном боеголовками авиационных ракет. И в тот самый миг, когда машину подняли «стрелой» на палубу флагмана, смертник-парламентар ударил по взрывателю...

Обезглавив таким образом первый флот вечерних и затем почти полностью его уничтожив, восемнадцатилетний Сехеи тамахи высадил крупный десант и закрепился на южном побережье Тара-Амингу. После чего был срочно отстранен от командования и, чудом избежав отправки «на тростник», возглавил миссию на окраине архипелага.

Сброшенный за борт балансирный челнок вскинул косой парус и направился к чужой машине, покачивающейся метрах в пятидесяти от катамарана. Видно было, как колыхнется под водой подобно огромной белой водоросли длинный вымпел вестника.

Даже если ракетоплан минирован – тратить на подрыв заурядного легкого авианосца засекреченный истребитель? Нелепость... Во всяком случае, это не «охота за стратегом» – откуда вечерним знать, где в данный момент находится Сехеи тамахи!

– Может, «ведут» нас, Хромой? – тихо спросил Сехеи. – Почему они не подняли за тобой погоню? Может, им как раз было нужно, чтобы ты долетел?

– Я не летел, – проворчал Хромой. – Я падал. И они это видели.

Наблюдатель, угнездившийся на скрещении мачт «Тахи тианга», через равные промежутки времени весело оповещал о том, что противника нигде не видно. Балансирный челнок уже шел обратно – с парламентаром. По захваченному гидроплану ползали двое ребят Ити-Тараи. Вот один из них выбрался на крыло и подал условный знак. При первом осмотре ничего похожего на взрывное устройство не обнаружено.

Сехеи знал одно: это – война. Теперь уже скоро, очень скоро – может быть, через несколько дней, может быть, завтра... Сегодня – вряд ли, помешает надвигающийся с севера шторм. Во всяком случае, изучить и скопировать «рутианги» вечерние им не дадут.

Челнок приблизился. Все примолкли. Тяжелые вздохи волн стали громче, пятнистые паруса шумно полоскались над головами. Парламентар ухватился за один из свисающих с борта канатов – и вот он уже на палубе катамарана – воин из поколения Акулы. Красив – невероятно. Редко встретишь такую роскошную ветвисто-сложную татуировку. Она была сравнима разве что с татуировкой Хромой, но у того узор нарушался многочисленными шрамами и ожогами. Вне всякого сомнения, перед стратегом стоял один из лучших пилотов противника.

Воины – те, что поближе, – тоже рассматривали исподтишка татуировку пришельца, ошибочно читая все ее спирали и петли.

Вестника звали Арраи, и повоевать он успел хорошо. Разгром первого флота... четыре сбитых машины... Один авианосец... Источник! Так вот, значит, кто сжег «Мурену»! Да, это

был, помнится, снайперский залп – четырьмя ракетами в кормовую турбину... Испытывал новую технику... Потом снова фронт... шесть сбитых машин... Потерял истребитель над Тара-Амингу, пойдя на таран...

Сехеи покосился на брата. Хромой в совершенно ребячьем восторге изучал былые подвиги парламентаря. Ведь это его, Хромого, таранили над уже сожженным Тара-Амингу четыре года назад. Надо же, какая приятная встреча!

– Я послан к Сехеи тамахи, – без выражения сообщил вестник, глядя поверх голов.

– Я слушаю тебя, – сказал Сехеи.

Парламентар, опешив, уставился на татуировку стратега, удостоверяющую, что перед вестником стоит именно тот, к кому он был послан. Нет, вестник явно не ожидал встретить здесь Сехеи. Совпадение...

Высокая светлая девушка ласково улыбалась неподалеку. Палец – на спусковом крючке, так что резких движений парламентарю делать не стоит.

– Я слушаю тебя, – повторил Сехеи.

Вестник Аррай нахмурился, помолчал, сосредоточиваясь, и медленно, старательно, слог за слогом выговорил какое-то нелепое, невообразимо громоздкое слово. Бессмысленный, почти непронизуемый набор звуков.

Хромой даже ухом не повел – его интересовала только татуировка. Подростки из огневого расчета скалились – слово показалось смешным. Ити удивленно оглянулась на стратега и вдруг вся подобралась, увидев, как изменилось его лицо.

– Кто тебя послал?

– Ионги.

Ионги... Стратег группы флотов противника, базирующихся на Ледяном Клыкe. Молод, назначен недавно – вот, пожалуй, и все о нем данные...

– Ты знаешь, что означает это слово?

– Нет. Мне было приказано заучить его и передать тебе.

– Ничего не прибавляя?

– Да.

«Срочно связаться со Старым, – подумал Сехеи. – Срочно...»

Только что, несколько биений сердца назад, вестник вечерних Аррай произнес Настоящее Имя Врага, известное лишь Старым да стратегам.

– А ваши Старые знают, с чем тебя сюда послал Ионги?

– Да.

– И тот и другой?

– Да.

– Лжет, как вестник!.. – вспомнил кто-то в восторге древнюю поговорку, но тут же спохватился и прикусил язык.

В небе пели двигатели гидропланов. Это подошла с базы группа прикрытия. Тиуру молчал. Нигде ни одной машины вечерних. На севере все выше и выше вздымалась облачная мгла – приближался шторм.

Сехеи подозвал связиста.

– На Руонгу передать успеем?

Мальчишка, прищурясь, оглядел рвущиеся ввысь облака:

– Успеет...

Не успели. Где-то на северо-западе, в семидесяти милях отсюда, личный связист Старого развернул рабочую плоскость своей установки под нужным углом, и луч уходящего солнца, отразившись, полетел вдоль Барьерного рифа, чтобы, ударившись в зеркало, укрепленное на безымянной скале, отпрыгнуть к Атоллу связи-8.

– Руонгу передает через атоллы! – Звонкий голос наблюдателя заставил их броситься к борту.

На фоне растущих облачных хребтов вспышки были хорошо различимы. Связист сорвал с пояса тонкий шнурок из кокосового волокна, пальцы его стремительно вывязывали узлы, значения которых он не понимал, – Руонгу передавал личным кодом Старого.

Единственный человек на борту «Тахи танга», знающий этот код, стоял оцепенев. Машинально принял он из рук связиста шнур и ощупал узлы, подтверждающие, что вспышки были им прочитаны правильно.

«Источник (начало передачи). Старый – Сехеи. Парламентеру вечерних вреда не причиняй. Сразу после шторма плыви ко мне на Руонгу. Тьма (конец передачи)».

Старый ответил раньше, чем Сехеи успел задать вопрос.

– Шнур! – бросил он, не глядя протягивая руку.

«Источник. Сехеи – Старому, – сосредоточенно вывязывал он узел за узлом. – Сообщение принял. Парламентеру вреда не причиню. Сразу после шторма прибуду на Руонгу. Тьма».

– Ити! – позвал он, отдав шнур связисту. – Прими машину на борт. Возвращаемся на базу. Вестника не трогать, ясно?

Он поискал глазами вестника Арраи и нашел его рядом с Хромым под присмотром ласково улыбающейся светлокожей девчушки. Вестник Арраи, несколько утратив приличествующее парламентеру ледяное выражение лица, с явным интересом присматривался к татуировке Хромого, с которым, оказывается, не раз сходил в воздушных боях за Тара-Амингу...

Что же он затеял, этот самый Ионги тамахи? Настоящее Имя Врага разглашению не подлежит. За такие вещи отстраняют от командования и отправляют «на тростник»... А откуда мог Старый узнать о парламентере?.. И тот странный запрос четыре дня назад... И Сехеи еще раз оглядел исподлобья посланца вечерних. Совершенно безупречная татуировка! Вот только на левой щеке правильность рисунка слегка нарушена. Что-то, значит, натворил вестник Арраи – давно, еще мальчишкой на Детском острове. Причем что-то весьма серьезное... Тогда почему отсутствует линия вины? Странно... Попал под особый надзор воспитателей, а ни в чем не виноват. У кого же это еще видел Сехеи подобный рисунок на левой щеке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.